

Как только Юнь Чжао произнесла это, Ван Синь Фан, Цзин Цзюнь как и жители деревни, которые наблюдали за суетой и правосудием были ошеломлены.

Ван Синь Фан думала, что Цзин Юнь Чжао очень упряма. Она была слишком добра с ней. Она никогда не пробовала, но она уж очень холодна и не проявляет энтузиазма. От нее ждут послушания и благоразумия. Сколько времени нужно, чтобы научить ее этому? Они хотели это сделать, но у них не хватило терпения.

Кроме того, это не проблема – уговорить ее. В конце концов, не стоит беспокоиться о встрече с ней. Но теперь речь идет о ее сыне. Какое-то время она ничего не может с этим поделать.

Юнь Чжао теперь их дочь, но по сравнению с настоящей дочерью она действительно слишком далека.

Цзин Сю не похожа на нее. Сю'эр, хорошая дочь. Она может помочь им с их младшим братом и сестрой, помочь им с домашней работой, и никогда не ослушается того, что они говорят.

Был бы у Юнь Чжао и Цзин Сю одинаковый характер, они не стали бы устраивать такую сцену.

— Ты не считаешь нас своими родителями? — спросил Цзин Цзюнь с мрачным лицом, но он был слишком взволнован.

Только что я не сопротивлялась этому. Теперь я хочу быть добрым родителем и позволить Цзин Юнь Чжао копаться в его сердце. Но этого недостаточно. В этом случае я могу только отступить на шаг, или всё может пойти не так.

Цзин Юнь Чжао повернулась к Цзин Цзюню и произнесла:

— Ты не можешь считать меня своей дочерью.

Это не столько дочь, сколько ступенька для их сына. Я надеюсь, что она может быть умным домохозяйкой, как Цзин Сю. Жаль такого не будет.

Как она могла хотеть стать такого рода человеком?

Но, думая о Цзин Сю, Юнь Чжао взглянула на нее.

Только взглянув в глаза девушки, она увидела очень сложный взгляд, как будто завидуя ее мужеству, как будто беспокоясь о ее положении.

Это хорошая сестра.

— Ах ты... — Ван Синь Фан вдруг села на землю и громко закричал:

— Что со мной не так? Моя дочь, которая много работала, чтобы найти свой дом, думает, что она бедна и что мы любим её деньги. Она не может видеть в нас своих родителей. Она жалеет о том, что я готовила для нее с утра до вечера. Она жалеет, что в октябре у меня родится ребенок...

Лицо Цзин Юнь Чжао потемнело.

Жулик!

Если бы Сяо Вэй Минь так с ней обращался, то Цзин Юнь Чжао без колебаний поставит его на

место, но этот человек имеет с ней кровное родство. Даже если в ее сердце есть какое-то несчастье и обида, она не может двигаться, ругаться и должна просто сдерживаться!

— Неужели во дворе так много народу? Не поздно ли? — Цзин Юнь Чжао пытается выйти, и в толпе появилась фигура.

Он был одет в белую рубашку с закатанными манжетами и открытым воротом. Очевидно, он был очень серьезен, но носил его с богемным шармом и хулиганским характером.

Глаза Цзин Юнь Чжао удивлены:

— Как ты здесь оказался?

Это был Ли Шао Юнь

Вчера вечером я был в плохом настроении, когда звонила ему, но не объясняла ситуацию. Как он смог найти дом Цзин?

Кстати, он все еще был в Киото прошлой ночью?

— Как я мог не приехать, когда услышал, как ты плачешь, звоня мне прошлой ночью? — Ли Шао Юнь произнес это мягко.

Юнь Чжао дернулась. Она была конечно в смятении, но уж точно не плакала.

Это родители ее не признают, она никому не сделает зла, она не эгоистична или бессердечна, люди просто должны любить себя чуть больше в жизни.

Если бы Ли Шао Юнь не пришёл, то эти родители плакались бы небу. Она должна уехать с ним или пойти пешком. Если она увидит его на какой-нибудь дороге, она могла показать что не знакома с ними.

<http://tl.rulate.ru/book/4439/1139448>